

206
37
★ В СЕУКРАИНСКИЙ СОВЕТ ★
ВСЕСОЮЗНОГО О-ВА ПОЛИТКАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Wege der Revolution. Revolutionsgeschichtliches Zeitschrift

ПУПУМ РЕВОЛЮЦИИ

ИСТОРИКО-
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ЖУРНАЛ

№ 2-3 (5-6)

*Wege der Revolution. Revolutionsgeschichtliches Zeitschrift
№. 2-3, 1926.*

1926

Gogolewski.

Aus den ERINNERUNGEN und Memoiren eines jungen Revolutionärs

ИЗ ЗАПИСОК МОЛОДОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА.

(TRANSBAIKALIEN
IM Jahre 1903)

(Забайкалье в 1903 годах).

Еще на заре революции 1905 г. мне пришлось столкнуться с народными учителями: П. Мурзиным и Д. Сизых (900—903 г.), в то время уже работавшими в подполье Забайкалья. От них я и зарядился революционным настроением и, под их руководством, приобщился к подпольной работе.

Этот период можно назвать организационно-воспитательным, периодом нелегальной кружковщины среди молодого учительства и учащейся молодежи в В. Сибири. В Чите, если можно так выразиться, революционной лабораторией были дома: А. К. Кузнецова и П. И. Кларк. В отношении последнего я не ошибусь, если скажу, что не было ни одного из революционной молодежи, который не знал бы дома Кларк, как революционно-воспитательного дома, где можно было разрешить все недоуменные вопросы. Среди учащейся молодежи главным организатором нелегальных кружков и руководителем политработы был т. Ярославский; его учеба штудировалась молодежью с захватывающим интересом. Мы знали, что он состоит в комитете РСДРП, но, благодаря строгой конспирации, близко соприкасаться с ним по подпольной работе нам не приходилось. Из числа организованных им кружков я имел связь с Учительской Семинарией (через Трифонова) и мужской гимназией (через П. Иордан), куда я передавал нелегальную литературу в том числе и газету „Искра“. В 1903 г. революционная волна начала бить ключом. Подполье наводнялось нелегальной литературой, в первую очередь газетой „Искра“, откуда все это, кружками, распространялось среди рабочих по городу и по казармам. Этот же год был началом жестокой фракционной борьбы. В этой борьбе принимали участие и с.-р. Мы молодежь—тогда уже узнали, что в Р.С.Д.Р.П. произошел раскол на большевиков и меньшевиков, что лидером первых является Ленин, вторых—Плеханов и по мере знакомства с программами и тактикой партий, мы, молодежь, также начали делиться на большевиков и меньшевиков. Меня лично в программе большевиков не удовлетворяло только отрицание террора, почему я и примкнул к с.-р.

В период 903—905 г.г. было общее желание как можно больше, как можно скорее охватить рабочие и крестьянские массы и распропагандировать их. С таким настроением, в 903 г., я попадаю на педагогические курсы при Верхнеудинском 4-х классном гор. училище. Г. Верхнеудинск в это время представлял из себя стоячее болото, окутанное толстой корой обывательщины. В частной беседе с курсистами и курсистками выясняется общее желание кружковой работы. У меня на

квартире организуем кружковые чтения, издаем свою газету „Мутная волна“ и вскоре переходим на нелегальную литературу. От нас эта литература распространяется по городу путем разбрасывания и расклеивания. В этой работе отличался мой однокашник — Иван Лихачев (после февральской революции был разоблачен во Владивостоке, как провокатор).

Первая большая партия нелегальной литературы была прислана из Читы учителю Большакову, с которым я жил вместе в училище; вторая — была привезена мною из Читы же, куда я ездил на призыв. Работа в нашем кружке пошла с большим подъемом, но в нашей среде тоже оказался провокатор, некто Карнаков, однокашник учителя Большакова по Иркутской учительской семинарии. Он сообщил полиции все, что у нас делается и где что находится. Таким образом, кружок наш провалился, а я, после обыска, был арестован. Из курсистов и курсисток никто арестован не был, так как их удалось во время предупредить. Уехавших в Читу на рождественские каникулы, снабженных нелегальной литературой, тоже удалось предупредить. В этом отношении большую услугу оказал телеграфист А. Иванов, передавший по телеграфу в Читу о провале кружка. Понятно, что при обысках на квартирах курсисток, ничего не было „обнаружено“.

Освободившись в 1904 г. из тюрьмы, во время самого разгара русско-японской войны, под подписку о невыезде из г. Верхнеудинская был отдан под надзор полиции и потому доступ на курсы мне, конечно, был уже закрыт.

В это время на ст. В.-Удинск Пермское отделение Красн. Кр. открыло лазарет на 500 коек для нижних чинов и на 100 — офицерских. По протекции мирового судьи Д. А. Кочнева и крестьянского начальника Рыбакова я был устроен на службу в канцелярию этого лазарета. Наше подполье держало постоянную связь с Читой через приезжавших отсюда „Андрея“ и „Николая“ (фамилии их не знаю). В кружки были втянуты, главным образом, поч. телегр. чины и приказчики. Впоследствии эти кружки дали хороших организаторов забастовочного движения среди поч. телег. чинов в лице Павла Громова (ныне умерший) и А. Иванова. Быстро также начала сказываться пропаганда и среди больных и служащих лазарета. Заведывающий канцелярией Вахнин оказался активным революционным работником. Он продолжал свою работу и после моего ухода из лазарета, не теряя связи со мной.

Но скоро, после недвусмысленного разговора со старшим врачом Хомяковым, мне пришлось уйти из лазарета.

Как раз в это время разрешался вопрос об издании в В.-Удинске первой газеты с предварительной цензурой. Через несколько дней вопрос о газете „Верхнеудинский Листок“¹⁾ был разрешен положительно. Состав сотрудников был следующий: фактический редактор Окунцов И. К., юридический — Сыпайло И. М., сотрудники: Шинкман И. А. (доктор), Мирский — (старый революционер), Кочнев Д. А. (мировой судья), издатель Рейфович А. Д. и я — в качестве хроникера и корректора. Во

¹⁾ Судьба „Верхнеудинского Листка“ достаточно освещена уже в печати: Окунцов, Шинкман и Мирский были присуждены судом Рененкампа к смертной казни — замененной генералом Гродековым пожизненной каторгой.

время Всероссийской ж. д. забастовки в нашей газете открыто печатались воззвания, призывающие пролетариат к вооруженному восстанию.

Я выбыл из состава сотрудников еще до октябрьского манифеста по случаю выезда моего в Кабанское, где поступил пом. волписаря, с целью вести пропаганду среди крестьян, оставаясь корреспондентом „В-уд листка“. Сближение с крестьянами происходило путем ведения бесед в сельской избе, составления им разного рода заявлений и выдаче разных справок и разъяснений, конечно, совершенно бесплатно. Большое значение в деле сближения с крестьянами имело также устройство народных чтений в Народном доме.

Надо заметить, что в то время ни прокламации, ни брошюры, как бы они хороши не были, для пропаганды среди крестьян не годились, ибо 99% местного крестьянства было неграмотно. Хорошие результаты при этих условиях давала только живая пропаганда, вполне доступная по форме для понимания крестьян, а пропагандистами могли быть лишь люди, пользующиеся полным доверием их. Мною велись с крестьянами беседы о социализме, о равенстве, о народовластии, о социализации и национализации земли, по поводу бредней о загробной жизни и пр.

В Кабанске в это время получалась бесплатно Московская газета „День“ (издание Крушевана) и шла работа союза „Михаила Архангела“. Мне удалось открыть глаза крестьянам на сущность союза „Михаила Архангела“ и доказать крайне вредное направление газеты „День“, почему на волостном сходе был объявлен бойкот газете „День“. Подлинный приговор волостного схода об этом бойкоте был послан в Москву в редакцию газеты „День“, а копия с него, с соответствующей корреспонденцией,— в „Верхнеудинский Листок“. Проведение этого, на первый взгляд, не столь уж важного приговора, имело для крестьян огромное воспитательное значение и дало возможность на следующих волостных сходах провести ряд приговоров уже чисто революционного характера.

На территории Кабанской и Кударинской волостей самые лучшие земли и леса числились за кабинетом его величества. Эти леса беспощадно истреблялись подрядчиком Середкиным на поставку бревен, дров, шпал и пиленного лесного материала на Забайкальскую и Китайско-Вост. ж. д. В селе Кабанском Середкин имел для этой цели свою лесопилку. Это обстоятельство было использовано мною для агитации захвата всех кабинетских земель и лесов крестьянскими обществами. В конце концов был созван волостной сход, на котором крестьяне дружно вынесли приговор о признании кабинетских земель и лесов собственностью крестьян Кабанской и Кударинской волостей. Приговор этот был утвержден крестьянским начальником Худяковым, который за это впоследствии получил год крепости. После этого на волостном сходе обсуждается вопрос о порядке пользования бывшими кабинетскими землями и лесами и об охране их. Было предложено организовать при вол. правлении взимание попенного сбора и без разрешения волправления никаких порубок леса и аренды земли не допускать; для надзора за выполнением этих мер организовать свою лесную и земельную стражу; правительственных чиновников: лесничего Бейнара и пристава Шишковского—от службы уволить за

ненадобностью; подрядчику Середкину предложить вносить попенный сбор за вырубаемый им лес в волправление и заключить с волостным сходом договор на дальнейшую вырубку леса. По всем этим вопросам были составлены приговоры, проведенные затем в жизнь. По этим же вопросам были вынесены аналогичные приговоры и волостным сходом Кударинской волости. Характерно, что в то время даже чиновники, подобные Бейнару, вынуждены были считаться с решительными действиями крестьян.

Подрядчик Середкин, получив указанное выше постановление волправления, лично явился в волость и из'явил свое согласие только на взнос попенной платы, однако от заключения договора на дальнейшую разработку леса уклонился и просил обсудить этот вопрос еще раз на волостном сходе. Для большей-же уверенности в благоприятном разрешении этого вопроса для себя дал взятку волправлению в сумме 25 р. Взятка была передана кр. нач-ку и записана на приход по счету библиотеки, а за отказ от заключения договора был вынесен приговор волостного схода о конфискации его лесопилки в пользу крестьян Кабанской и Кударинской волостей. Таким образом, еще 20 лет тому назад крестьянами Кабанской и Кударинской волостей были захвачены кабинетские земли и леса, уволены от службы царские чиновники и экспроприирована в пользу общества лесопилка. Приговоры эти были отпечатаны в „Верхнеудинском Листке“. Революционные приемы Кабанского и Кударинского волостных сходов заражающе действовали на сельские общества всего Забайкалья, в которых также начались захваты кабинетских земель и лесов.

Наша революционная работа среди крестьян все ширилась и крепла вплоть до приезда карательной экспедиции генерала Меллер-Закомельского на ст. Мысовск. О приезде этой экспедиции мне заблаговременно удалось узнать, благодаря счастливой случайности. Один наш Кабанский кр-н, фамилии его уже не помню, поехал по своим личным делам в Мысовск и, как-раз во время налета Меллера на Мысовск, попал в цепь опричников этого палача. Не растерявшись крестьянин каждому офицеру экспедиции, а затем и самому Меллер-Закомельскому об'яснял, что он только что лишь приехал по делам из Кабанска и просил его выпустить. Выслушав его Мел.-Зак., сделал распоряжение о его освобождении. Крестьянин во весь опор помчался в Кабанск. Запалив лошадь он, не заезжая домой, сразу явился в волправление, и по сибирски образно сообщил мне следующее:

„Ишислав Осипович, в Мысовске - то, что делается! Приехал какой-то анарал. Растреливат, порит всех прямо на пероне. Прежде спросит, сколько получаешь жалованья, а потом и дает столько - же плетей“.

Я сказал крестьянину, чтобы он предупредил некоторых, наиболее скомпрометированных и предложил бы им раз'ехаться по отдаленным займам. Сам я немедленно заготовил два казенных пакета, заказал себе подводу и, не медля ни минуты, выехал в Кударинскую волость не более как за полчаса до приезда Меллер-Закомельского на ст. Тимлюй, ближайший жел.-дор. пункт к Кабанску.

Из Кудары я выехал в Кударо-Бурятскую волость, а оттуда в бурятский улус Часовенск. Там я выдал себя за мясоторговца и назначал

такие низкие цены на скот, по которым никто не хотел мне его продать. Недели через две мне удалось пробраться в Верхнеудинск. В этот город я попал в то время, когда там шел суд Рененкампа над железно-дорожными рабочими: Шульцом, Гордеевым, Седлецким и Дмитриевым, машинистами Милютинским и Носовым, смотрителем склада топлива Гольдсобелем, нач-ком участка тяги инженером Медведниковым, нач. станции Пашинским, прапорщиком запаса армии Лиморенко, пом. н-ка станции Мекешиным и железно-дорожным служащим Ингелевичем. Главным свидетелем обвинения в этом деле по отношению ко всем обвиняемым был местный поп Борис Климович. Насколько лживы и подлы были его показания было установлено тут же на суде обвиняемым Гордеевым:

— „Господин председатель, разрешите мне задать один вопрос свидетелю Климовичу“, говорит подсудимый Гордеев.

— „Пожалуйста“.

— „Скажите, батюшка“, спрашивает Гордеев, „вы Гордеева знаете“?

— „Как же не знать, если не знал бы, так и не говорил бы“.

— „А меня, батюшка!?—указывает при этом Гордеев на себя пальцем,—знаете“?

Тот посмотрел на него внимательно и говорит:— „Да где вас всех упомянь“?

— „Больше мне ничего не нужно,“—закончил Гордеев.

Гордеев, Гольсобель, Медведников, Шульц и Малютинский были приговорены к смертной казни через повешение, остальные—к срочной каторге. Лобное место было около версты от станции Верхнеудинск, в лесу, где было заготовлено девять эшафотов и ям. Казнь происходила публично, часов в 11 дня. Когда приговоренных привели на место казни, было спрошено, кто желает первым пойти на эшафот. Вызвался Гордеев. Отказавшись от услуг палачей, он вскочил на тумбу, набросил петлю себе на шею, выбил из под ног тумбу и повис. Когда вешали остальных, то Малютинский оборвался и упал на землю. Толпа заволновалась, послышались возгласы:

— „Не виновен, помиловать“!..

Раздался залп в воздух, толпа шарахнулась в разные стороны. Чтобы скорее закончить эту омерзительную расправу, Малютинского на штыках подтащили к яме и спустили в нее, сделав несколько выстрелов в него, уже находящегося в яме. Закончив кровавую расправу, Реннекамф забрал с собой Окунцева, Шинкмана и Мирского в качестве заложников и выехал в Читу.

Отсидевшись, в период дикой реакции, в конспиративных квартирах, выходя на свет и, не зная что меня разыскивают, поступаю в Реальное училище преподавателем пения. Однажды директор училища Устрецкий (сменивший Окунцева после его ареста) говорит мне, что „был городской—но только не думайте, что с плохими вестями; на сей раз он приходил объявить вам бумагу о том, что дело об организации вами нелегального кружка среди курсистов и курсисток Верхнеудинска—прекращено. Я сам видел отношение из Иркутской судебной палаты о прекращении этого

цейское управление, где мне действительно об'являют отношение Иркутской судебной палаты, в котором говорится, „... об'явить обвиняемому по 129 ст. ул. о нак. Гоголевскому, что в силу высочайшего манифеста от 17/х—1905 г. дело его прекращается, подписка о невыезде отменяется и надзор полиции снимается“. Расписавшись в об'явлении отношения, направляюсь обратно в училище, но в дежурной комнате пристав меня задерживает вопросом, — „Вы Гоголевский?“

— Я

— Мне нужно об'явить вам отношение.

— Мне уже об'явили—говорю ему.

— Я ничего не знаю, прочтите и распишитесь.

Беру отношение и читаю: „Предлагается Верхнеудинскому полиц. управлению произвести тщательный розыск Гоголевского и по обнаружении места его нахождения произвести на квартире его обыск. Если обыск и будет безрезультатным, то все-равно арестуйте его и заключите в тюрьму, зачислив за мной. Ротмистр Плешаков“. Таким образом полиц. управления вместо училища попадаю, без пересадки, в Верхнеудинскую тюрьму, где встречаю по моему же делу крестьянского нач-ка Худякова, волписаря Троицкой вол. Терлецкого, Лихачева и много других знакомых.

За время нахождения в тюрьме считаю заслуживающими внимания следующие случаи (о которых никто нигде в печати еще не сообщал). После от'езда Рененкампа в Читу, где он расстрелял Костюшко-Валюжинича, Столярова, Вайнштейна и Цупсмана, никто из арестованных не знал, кого какая ожидает судьба. В виду этого мы, содержащиеся в Верхнеудинской тюрьме, приступили к устройству подкопа. Надо заметить, что режим в тюрьме был слабый. Все политические с утра до вечерней поверки находились во дворе тюрьмы, ходили друг к другу в „гости“, мастеровые из'явили желание работать в тюремной мастерской, откуда и начался подкоп под тюремную стену в направлении к обрыву над рекой Селенгой. Земля подавалась в мешках по веревкам и размещалась под крышей мастерской. Расстояние от матерской до обрыва было сажен 50. Работа велась недели две. Раз вечером, после поверки, приводят к нам уголовного арестанта и сажают в карцер. Впоследствии оказалось, что подкоп был выдан посаженным в карцер уголовным. По словам работающих в подкопе, до окончания его оставалось не более пяти сажен. Предполагалось через подкоп освободить уже осужденных к смерти и тех, кому угрожала казнь или долголетняя каторга; все остальные должны были оставаться в тюрьме.

Незадолго до моего освобождения из тюрьмы бежал т. Пашинский, приговоренный в каторгу. В организации этого побега я принимал самое близкое участие. Когда схлынула жестокая реакционная волна—тюремный режим сделался еще более терпимым. Дошло дело до того, что тех лиц, за которыми не было особенных дел, нач. тюрьмы Девяшин отпускал в город „на честное слово“. Это произошло после того, как многие дела были переданы Рененкампом особо уполномоченному

барону Розену для рассмотрения, их в Иркутской судебной палате. Наше дело также было туда передано и я был освобожден за „недоказанностью обвинения“. Телеграмма об освобождении меня была объявлена уже после вечерней поверки. До утра я остался в тюрьме. За ночь нами была составлена телеграмма на имя государственной думы с подробным описанием всех зверств, совершенных Рененкампом и Меллер-Закомельским, и был обсужден вопрос об организации побега Пашинскому. На меня была возложена обязанность организовать в городе помощь этому побегу. Утром, под пение Марсельезы, я оказался за тюремными воротами и телеграмма в госдуму была мною сдана в тот же день. Побег т. Пашинского произошел по следующему, заранее сообщенному в тюрьму, плану. Пашинский, под предлогом зубной боли, был отправлен в сопровождении тюремного надзирателя в город. Поровнявшись с аптекой Шлаина, Пашинский попросил надзирателя зайти с ним вместе в аптеку. Зайдя в аптеку, он попросил оказать ему экстренную помощь, для чего ему предложили пройти в смежную комнату, откуда Пашинский, по черному ходу, ушел. В тот же день на лодке он был доставлен на остров в устье реки Уды. А оттуда, впоследствии, он пробрался в Австралию.

Гоголевский.